

422	288-01	ИВАН САВИН (Саволайнен)	"Всё это было"	Часть 1 "Украденная молодость"
423	288-02	ИВАН САВИН (Саволайнен)	"Всё это было"	Часть 2 "Мировая Голгофа"

Александрю В. Савину посвящается

"Всё это было" (Коренблиг – Савин)

Часть 1 "Украденная молодость"

1. Сияя заревом крыла – 1.21
2. Твоя двадцатая весна – 1.28
3. В этом городе – 1.27
4. Помните? – 1.40
5. Забытые струны – 1.54
6. Не помнящие родства – 1.48
7. Возмездие – 2.01
8. Недостойны любви – 1.19
9. Потомки крестоносцев – 1.47
10. Генералу Корнилову – 2.07
11. За Россию – 1.45
12. Погибший брат – 2.04
13. Сёстрам – 1.25
14. Маме – 1.59
15. Сиянье вырубленных дней – 1.14
16. Убитому брату – 1.43
17. Не склонившие головы – 1.23
18. Украденная молодость – 1.38
19. Придут другие – 1.18
20. Бездомье – 1.13
21. Новый год – 2.45
22. Колыбельная убитому брату – 2.13
23. Невозвратное – 1.21
24. Всё это было – 1.07
25. Законы тьмы неумолимы – 2.01
26. У последней черты – 1.39
27. Двадцать три года – 1.10
28. В поезде – 1.40
29. Ты брошен тоже – 2.14

Общее время звучания – 48.57

Общее время звучания – 98.20

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1 "Украденная молодость"

1. Сияя заревом крыла

Свистят ли змеи скудных толп:
Увит ли бешенством ненастным
Мечты александрийский столп, -

Покорный заповедям властным,
Безумных грёз безумный паж,
Я путешествую в прекрасном.

Озёра солнц и лунный пляж

И твердь земли связал мой посох
Коврами небывалых пряж.

Я свет зажёл в подземных росах,
Я целовал девичий лик
С цветным цветком в багряных косах,

Я слышал рыб свирельный крик,
Я видел, как в очах вселенной
Струился смутный мой двойник.

Всё человеческое – тленно.
Нетленна райская стрела
Мечты, летящей песнопенно.

И пусть бескрылая хула
Ведёт бескрылых шагом властным! -
Сияя заревом крыла,
Я путешествую в прекрасном.
1921

2. Твоя двадцатая весна

Никто не вышел ночью тёмной,
Не вспыхнул мутный глаз окна
Зрачком свечи, когда бездомно
К Тебе сегодня постучалась
Твоя двадцатая весна.

Никто не вышел. Оставалась
Глухой заржавленная дверь.
Будить ли мрак ты побоялась,
Иль было в жизни слишком много
Весной принесенных потерь?

Снег талый капал с крыш, и строго
Считала капли тишина.
Подснежник бросив у порога,
Ушла с заплаканной улыбкой
Твоя двадцатая весна.
Петербург, 1922

3. В этом городе

В этом городе железа и огня,
В этом городе задымленного дня,
Жизнь, тяжёлыми доспехами звеня,
Оглушила злыми смехами меня.

Как мне жить среди одетых в камень душ,
Мне – влюблённому в берёзовую глушь?
Как найти в чаду гниющих луж
Солнца южного живительную сушь?

Я принёс из неразбуженной страны

Капли рос с цветов ковыльной целины,
 Лепет роз, лучи ленивые луны,
 Мельниц скрип в плену бессильной тишины...

Всё обуглил этот город и обнёс
 Сетью проволок и каменных полос.
 Как мне жить в пучине грозных гроз,
 Мне – влюблённому в безмолвие берёз?!
Петербург, 1922

4. Помните?

Помните? Хаты да пашни.
 Луг да цветы, да река.
 В небе, как белые башни,
 Долго стоят облака.

Утро. Пушистое сено
 Мёдом полно. У воды
 Мельница кашляет пеной,
 Пылью жемчужной руды.

Помните? Вынырнул вечер,
 Неповторимый такой.
 Птиц многошумное вече,
 Споря, ушло на покой.

Тени ползут, как улитки.
 В старом саду. В темноте
 Липы шуршат. У калитки
 Странник поёт о Христе.

Помните? Ночью колёса
 Ласково как-то бегут.
 Месяц прищурился косо
 На полувывсохший пруд.

Мышь пролетела ночная.
 Выплыл из темени мост,
 С неба посыпалась стая
 Кем-то встревоженных звёзд...
1924

5. Забытые струны

Когда палящий день остынет
 И солнце упадёт на дно,
 Когда с ночного неба хлынет
 Густое лунное вино,

Я выйду к морю полночь встретить,
 Бродить у смуглых берегов,
 Береговые камни метить
 Иероглифами стихов.

Маяк над городом усталым
Откроет круглые глаза,
Зелёный свет сбежит по скалам,
Как изумрудная слеза.

И брызнет полночь синей тишью.
И заструится млечный мост...
Я сердце маленькое вышью
Большими крестиками звёзд.

И, опьянённый бредом лунным,
Её сиреневым вином,
Ударю по забытым струнам
Забытым сердцем, как смычком...
1924

6. Не помнящие родства

Я – Иван, не помнящий родства,
Господом поставленный в дозоре.
У меня на ветренном просторе
Изошла в моленьях голова.

Всё пою, пою. В немолчном хоре
Мечутся набатные слова:
Ты ли, Русь бессмертная, мертва?
Нам ли сгинуть в чужеземном море!?

У меня на посохе – сова
С огненным пророчеством во взоре:
Грозowymi окликами вскоре
Загудит родимая трава.

О земле, восставшей в лютом горе,
Грянет колокольная молва.
Стяг державный богатырь-Бова
Развернёт на русском косогоре.

И пойдёт былинная Москва,
В древнем Мономаховом уборе,
Ко святой заутрене, в дозоре
Странников, не помнящих родства.
1923

7. Возмездие

Войти тихонько в Божий терем
И, на минуту став нездешним,
Позвать светло и просто: Боже!
Но мы ведь, мудрые, не верим
Святому чуду. К тайнам вешним
Прильнуть, осенние, не можем.

Дурман заученного смеха
И отрицанья бред багровый

Над нами властвовали строго
 В нас никогда не пело эхо
 Господних труб. Слепые совы
 В нас рано выклевали Бога.

И вот он, час возмездья чёрный,
 За жизнь без подвига, без дрожи,
 За верность гиблому безверью
 Перед иконой чудотворной,
 За то, что долго терем Божий
 Стоял с оплеванною дверью!

8. Недостойны любви

Любите врагов своих... Боже,
 Но если любовь не жива?
 Но если на вражеском ложе
 Невесты твоей голова?

Но если, тишайшие были
 Расплавив в хмельное питьё,
 Они твою землю растлили,
 Грехом опоили её?

Господь, упокой меня смертью,
 Убей. Или благослови
 Над этой запекшейся твердью
 Ударить в набаты крови.

И гнев Твой, клокочуще-знойный,
 На трупные души пролей!
 Такие враги – недостойны
 Ни нашей любви, ни Твоей.
 1924

9. Потомки крестоносцев

Оттого высоки наши плечи,
 А в котомках акриды и мёд,
 Что мы, грозной дружины предтечи,
 Славословим крестовый поход.

Оттого мы в служенье суровом
 К Иордану святому зовём,
 Что за нами, крестящими словом,
 Будет воин, крестящий мечом.

Да взлетят белокрылые латы!
 Да сверкнёт золотое копьё!
 Я, немеркнувшей славы глашатай,
 Отдал Господу сердце своё...

Да придёт!.. Высокие плечи
 Преклоняя на белом лугу,
 Я походные песни, как свечи,

Перед ликом России зажгу.
1923

10. Генералу Корнилову

Не будь тебя, прочли бы внуки
В истории: когда зажёт
Над Русью бунт костры из муки.
Народ, как раб, на плаху лёг.

И только ты, бездомный воин,
Причастник русского стыда,
Был мёртвой родины достоин
В те недостойные года.

И только ты, подняв на битву
Изнемогавших, претворил
Упрёк истории – в молитву
У героических могил.

Вот почему, с такой любовью,
С благоговением таким,
Клоню я голову сыновью
Перед бессмертием твоим.

11. За Россию

Он душу мне залил метелью
Победы, молитв и любви...
В ковыль с пулемётною трелью
Стальные легли соловьи.

У мельницы ртутью кудрявой
Ручей рокотал. За рекой
Мы хлынули сомкнутой лавой
На вражеский сомкнутый строй.

Зевнули орудия, руша
Мосты трехдюймовым дождём.
Я крикнул товарищу: "Слушай,
Давай за Россию умрём".

В седле подымаясь, как знамя,
Он просто ответил: "Умру".
Лилось пулемётное пламя,
Посвистывая на ветру.

И чувствуя, нежности сколько
Таили скупые слова,
Я только подумал, я только
Заплакал от мысли: Москва...

12. Погибший брат (*Брату Николаю*)

Мальчик кудрявый смеётся лукаво.
Смуглому мальчику весело.

Что наконец-то на грудь ему слава
Беленький крестик повесила.

Бой отгремел. На груди донесенье
Штабу дивизии. Гордыми лирами
Строки звенят: бронепоезд в сражении
Синими взят кирасирами.

Липы да клевер. Упала с кургана
Капля горячего олова.
Мальчик вздохнул, покачнулся и странно
Тронул ладонями голову.

Словно искал эту пулю шальную.
Вздрыгнул весь. Стремя зазвякало.
В клевер упал. И на грудь неживую
Липа рососою заплакала...

Схоронили ль тебя – разве знаю?
Разве знаю, где память твоя?
Где годов твоих краткую стаю
Задушила чужая земля?

Все могилы родимые стёрты.
Никого, никого не найти...
Белый витязь мой, братик мой мёртвый,
Ты в моей похоронен груди.

Спи спокойно! В тоске без предела,
В полыхающей болью любви,
Я несую твоё детское тело,
Как евангелие из крови.
1925

13. *Сёстрам (Сестрам моим, Нине и Надежде)*

Одна догорела в Каире.
Другая на русских полях.
Как много пылающих плах
В бездомном воздвигнуто мире!

Ни спеть, ни сказать о кострах,
О муке на огненном пире.
Слова на запёкшейся лире
В немой рассыпаются прах.

Но знаю, но верю, что острый
Терновый венец в темноте
Ведет к осиянной черте
Распятых на русском кресте,
Что ангелы встретят вас, сёстры,
Во родине и во Христе.
1924

14. Маме

Ты кровь их соберёшь по капле, мама,
И, зарыдав у Богоматери в ногах,
Расскажешь, как зияла эта яма,
Сынами вырытая в проклятых песках,

Как пулемёт на камне ждал угрюмо,
И тот в бушлате, звонко крикнул: "Что, начнём?"
Как голый мальчик, чтоб уже не думать,
Над ямой стал и горло проколол гвоздём.

Как вырвал пьяный конвоир лопату
Из рук сестры в косынке и сказал: "Ложись",
Как сын твой старший гладил руки брату,
Как стыла под ногами глинистая слизь.

И плыл рассвет ноябрьский над туманом,
И тополь чуть желтел в невидимом луче,
И старый прапорщик, во френче рваном,
С чернильной звёздочкой на сломанном плече,

Вдруг начал петь – и эти бредовые
Мольбы бросал свинцовой брызжущей струе:
Всех убиенных помяни, Россия,
Егда прийдёши во царствие Твое...
1925

15. Сиянье вырубленных дней

И канареек. И герани.
И ситец розовый в окне,
И скрип в клеёнчатом диване,
И "Остров мёртвых" на стене;

И смех жеманный, и румянец
Поповны в платье голубом,
И самовара медный глянец,
И "Нивы" прошлогодний том;

И грохот зимних воскресений,
И бант в каштановой косе,
И вальс в три па под "Сон осенний".
И стукалку на монпансье, -

Всю эту заросль вековую
Безумно вырубленных лет,
Я – каждой мыслию целуя
России вытоптаный след, -

Как детства дальнего цветенье,
Как сада Божьего росу,
Как матери благословенье,
В душе расстрелянной несущу.

И чем отвратней, чем обманней
 Дни нынешние, тем родней
 Мне правда мёртвая гераней,
 Сиянье вырубленных дней.
 1925

16. Убитому брату (Брату Борису)

Не бойся, милый. Это я.
 Я ничего тебе не сделаю.
 Я только обовью тебя,
 Как саваном, печалью белою.

Я только выну злую сталь
 Из ран запёкшихся. Не странно ли:
 Ещё свежа клинка эмаль.
 А ведь с тех пор три года канули.

Поёт ковыль. Струится тишь.
 Какой ты бледный стал и маленький!
 Всё о семье своей грустишь
 И рвёшься к ней из вечной спальни?

Не надо. В ночь ушла семья.
 Ты в дом войдёшь, никем не встреченный.
 Не бойся, милый, это я
 Целую лоб твой искалеченный.
 1923

17. Не склонившие головы

Огневными цветами осыпали
 Этот памятник горестный Вы
 Не склонившие в пыль головы
 На Кубани, в Крыму и в Галлиполи.

Чашу горьких лишений до дна
 Вы, живые, вы, гордые, выпили
 И не бросили чаши... В Галлиполи
 Засияла бессмертьем она.

Что для вечности временность гибели?
 Пусть разбит Ваш последний очаг -
 Крестоносного ордена стяг
 Реет в сердце, как реял в Галлиполи.

Вспыхнет солнечно-чёрная даль
 И вернётся вы, где бы вы ни были,
 Под знамена... И камни Галлиполи
 Отнесёте в Москву, как скрижаль.

18. Украденная молодость

Кто украл мою молодость, даже
 Не оставил следа у дверей?
 Я рассказывал Богу о краже,

Я рассказывал людям о ней.

Я на паперти бился о камни.
Правды скоро не выскажет Бог.
А людская неправда дала мне
Перекопский полон да острог.

И хожу я по чёрному свету,
Никогда не бывав молодым,
Небывалую молодость эту
По следам догоняя чужим.

Увели её ночью из дому
На семнадцатом детском году.
И по-вашему стал, по-седому,
Глупый мальчик метаться в бреду.

Были слухи – в остроге сгорела,
Говорили пошла по рукам...
Всю грядущую жизнь до предела
За года молодые отдам!

Но безмолвен ваш мир отсиявший.
Кто ответит? В острожном краю
Скачет выжженной степью укравший
Невестную юность мою.

19. Придут другие

Придут другие. Они не вспомнят
Ни боли нашей, ни потерь,
В уюты наших девичьих комнат
Толкнут испуганную дверь.

Им будут чужды немые строки
Наивных выцветших страниц,
Обоев пыльных рисунок строгий,
Безмолвный ряд забытых лиц.

Иному Богу, иной невесте
Моление будет свершено.
И им не скажет никто: отвесьте
Поклон умолкнувшим давно...

Слепое время сотрёт скрижали
Годов безумных и минут,
И в дряхлом кресле, где мы рыдали,
Другие – песни запоют...

20. Бездомье

Не больно ли, не странно ли –
У нас России нет!..
Мы все в бездомье канули,
Где жизнь – как мутный бред,

Где – брызги дней отравленных,
 Где – неумолчный стон
 Нежданных, окровавленных,
 Бессчётных похорон...

Упавшие стремительно
 В снега чужих земель,
 Мы видим, как мучительно
 Заносит нас метель...

21. Новый год

Никакие метели не в силах
 Опрокинуть трёхцветных лампад,
 Что зажжёт я на дальних могилах,
 Совершая прощальный обряд.

Не заставят бичи никакие,
 Никакая бездонная мгла
 Ни сказать, ни шепнуть, что Россия
 В пытках вражьих сгорела дотла.

Исходив по ненастным дорогам
 Всю бескрайнюю землю мою,
 Я не верю смертельным тревогам,
 Похоронных псалмов не пою.

В городах, ураганами смятых,
 В пепелищах разрушенных сёл
 Столько сил, столько восходов богатых,
 Столько тайной я жизни нашёл.

И такой неустанною верой
 Обожгла меня пленная Русь,
 Что я к Вашей унылости серой
 Никогда, никогда не склонюсь!

Никогда примирения плесень
 Не заржавит призыва во мне,
 Не забуду победных я песен,
 Потому что в любимой стране,

Задыхаясь в темничных оградах,
 Я прочёл, я не мог не прочесть
 Даже в детских прощающих взглядах
 Грозовую, недетскую месть.

Вот зачем в эту полную тайны
 Новогоднюю ночь, я чужой
 И далёкий для вас, и случайный,
 Говорю Вам: крепитесь! Домой

Мы пойдём! Мы придём и увидим

Белый день. Мы полюбим, простим
 Всё, что горестно мы ненавидим,
 Всё, что в мёртвой улыбке храним.

Вот зачем, задыхаясь в оградах
 Непушистых, нерусских снегов,
 Я сегодня в трёхцветных лампадах
 Зажигаю грядущую новь.

Вот зачем я не верю, а знаю,
 Что не надо ни слёз, ни забот.
 Что нас к нежно любимому Краю
 Новый год по цветам поведёт!

22. Колыбельная убитому брату (*Брату Николаю*)

Тихо так. Пустынно. Звёздно.
 Степь нахмуренная спит,
 Вся в снегах. В ночи морозной
 Где-то филин ворожит.
 Над твоей святой могилой
 Я один, как страж, стою...
 Спи, мой мальчик милый,
 Баюшки-баю!..

Я пришёл из дымной дали,
 В день твой памятный принёс
 Крест надгробный, что связали
 Мы тебе из крупных слёз.
 На чужбине распостёртый,
 Ты под ним – в родном краю...
 Спи, мой братик мёртвый,
 Баюшки-баю...

В час, когда над миром будет
 Снова слышен Божий шаг,
 Бог про верных не забудет;
 Бог придёт в наш синий мрак,
 Скажет властно вам: проснитесь!
 Уведёт в семью Свою...
 Спи ж, мой белый витязь,
 Баюшки-баю...

1922

23. Невозвратное

Даже в слове, в самом слове "невозвратное",
 Полном девичьей, слегка наивной нежности,
 Есть какое-то необычайно внятное,
 Тихо плачущее чувство безнадежности.

В нём, как странники в раскольничьей обители,
 Притаились обманувшиеся дни мои,
 Чью молитву так кошунственно обидели
 Новых верований дни неудержимые.

В ночь бессонную я сам себя баюкаю,
 Сам себе шепчу тихонько: "невозвратное"...
 И встаёт вдруг что-то с сладкой мукою
 Одному мне дорогое и понятное...
 1922

24. Всё это было

Всё это было. Путь один
 У черни нынешней и прежней.
 Лишь тени наших гильотин
 Длинней упали и мятежней.

И бьётся в хохоте и мгле
 Напрасной правды нашей слово
 Об убиенном короле
 И мальчиках Вандеи новой.

Всю кровь с парижских площадей,
 С камней и рук легенда стёрла,
 И сын убогий предал ей
 Отца раздробленное горло.

Всё это будет. В горне лет
 И смрад, и блуд, царящий ныне,
 Расплавятся в обманный свет.
 Петля отца не дрогнет в сыне.

И, крови нашей страшный грунт
 Засеяв ложью, шут нарядный
 Увьёт цветами – русский бунт,
 Бессмысленный и беспощадный...

25. Законы тьмы неумолимы

Законы тьмы неумолимы.
 Непререкаем хор судеб.
 Всё та же гарь, всё те же дымы,
 Всё тот же выплаканный хлеб.

Мне недруг стал единоверцем:
 Мы все, кто мог и кто не мог,
 Маячим выветренным сердцем
 На перекрёстках всех дорог.

Рука протянутая молит
 О капле солнца. Но сосуд
 Небесной милостыни пролит.
 Но близок нелукавый суд.

Рука дающего скудеет:
 Полмира по миру пошло...
 И снова гарь, и вновь тускнеет
 Когда-то светлое чело.

Сегодня лёд дорожный ломок,
Назавтра злая встанет пыль,
Но так же жгуч ремень котомок
И тяжек нищенский костыль.

А были буйные услады
И гордой молодости лёт...
Подайте жизни, Христа ради,
Рыдающему у ворот!

26. У последней черты (И. Бунину)

По дюнам бродит день сутулый,
Нырря в золото песка.
Едва шуршат морские гулы,
Едва звенит Сестра-река.

Граница. И чем ближе к устью,
К береговому янтарю,
Тем с большей нежностью и грустью
России "Здравствуй" говорю.

Там, за рекой, всё те же дюны,
Такой же бор к волнам сбежал,
Всё те же древние Перуны
Выходят, мнятся, из-за скал.

Но жизнь иная в травах бьётся,
И тишина ещё слышней,
И на кронштадтский купол льётся
Огромный дождь иных лучей.

Черкнув крылом по глади водной,
В Россию чайка уплыла -
И я крещу рукой безродной
Пропавший след её крыла.

27. Двадцать три года

Двадцать три я года прожил,
Двадцать три...
С каждым днём Ты горе множил.
С каждым днём...

Без зари сменялись ночи,
Без зари,
Чёрным злом обуглив очи,
Чёрным злом...

Тяжко бьёт Твой, Боже, молот!
Тяжко бьёт...
Отвори хоть нам, кто молод,
Отвори

Белый вход родного края,
 Белый вход...
 Посмотри – душа седая
 В двадцать три...

28. В поезде

Мощный, гулкий, неустанный,
 Утоли мою печаль,
 Унеси в такие страны,
 Где минувшего не жаль,

Где бесстрастно бродят светы
 Мёртвых лет и мёртвых лун,
 Где бессмертно спят поэты
 В гамаках из звёздных струн,

Вьются вёрсты. Вёрсты пляшут
 Хороводами столбов.
 Острой проволокой пашут
 Неживую землю мхов.

Всё равно, никто не встанет,
 Не проснётся. Всё равно.
 Только горький вздох заглянет
 В задрожавшее окно,

Да напомнит сад старинный,
 Синий вечер, яблонь шум,
 Да простор, да взлёт орлиный
 В небе плавающих дум...

Мощный, блестящий, железный,
 Вырви рельс двойную сталь,
 Брось меня в такие бездны,
 Где минувшего не жаль...
 1924

29. Ты брошен тоже

Ты брошен тоже, ты поймёшь,
 В дурманы вглядываясь строже,
 Что счастье, если и не ложь, –
 На ложь мучительно похоже.

Тот, первый, кто вином любви
 Уста раскрывшиеся нежил,
 Не слеп от нынешней крови
 И в нашей брошенности не жил.

Тот, первый, в райском терему
 Лаская кроткую подругу,
 Не шёл в хохочущую тьму
 По кем-то проклятому кругу.

А мы идём. Над нами взгляд
Безумия зажжён высоко.
И каплет самый чёрный яд
Из окровавленного ока.

Что сердца лёгкая игра
Тяжёлому земному телу?
Быть может, уж давно пора
Мечту приговорить к расстрелу.

А мы в безлюдье, в стужу, в дым
Несём затравленность обетов,
Мы, как Евангелие, чтим
Бред сумасшедших и поэтов.

И, вслушиваясь в злую ложь,
Горим, с неоспоримым споря...
Ты брошен тоже, ты поймёшь,
Что счастье выдуманно с горя.
1924